

РОЛЬ В.И. ДАЛЯ В СТАНОВЛЕНИИ ЯЗЫКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

А.С. Чичвархин

Воронежский государственный университет им. Н.Н. Бурденко
научный руководитель – Г.О. Папшева

Одним из замечательных представителей медицины девятнадцатого века, человеком, увлеченным не только искусством «врачевания», но и этнографией, лингвистикой, историей языка, является Владимир Иванович Даль. В 2021 году празднуется важная дата – создателю «Словаря живого великорусского языка» исполняется 220 лет. В связи с этим необходимо осмыслить монументальный труд Даля в аспекте его значимости для формирования и становления профессиональной медицинской терминологии, обращения к опыту «народной медицины» в попытках номинации заболеваний и симптомов.

Нельзя не признать, что современная медицина, как и во времена В.И. Даля, характеризуется двуязычием коммуникативного процесса. В собственно профессиональной сфере используются термины греко-латинского происхождения, в системе взаимодействия «пациент-врач» – словоформы преимущественного русскоязычного происхождения: «иррадиировать» – «отдавать», «инъекция-укол», «гемостаз-остановка крови».

Такое положение сложилось исторически, в процессе становления отечественной медицины, не без участия противостояния «западников» и «славянофилов». Попытка создать русскоязычный эквивалент для каждого заимствованного слова не обошлась без казусов – достаточно вспомнить пресловутые «околоземица» вместо «атмосфера» и «мокроступы» вместо «галоши». Однако многие синонимы прочно вошли в профессиональный лексикон медицинских работников: «вшивость», «куриная слепота», «ветрянка» [1, с.41], стали достоянием фразеологической системы русского языка, сохранились в диалектах и художественной литературе.

Сложный многоступенчатый процесс формирования медицинской и околомедицинской лексики, вобравшей иностранные, русскоязычные, зачастую просторечные выражения, отразился в многолетнем труде Владимира Ивановича Даля – «Толковом словаре живого великорусского языка». Труд этот сложно переоценить, так как автор, будучи профессиональным практикующим врачом, продемонстрировал прекрасное лингвистическое чутье, создал уникальный опыт интерпретации диалектизмов. Там, где это возможно и уместно, В. И. Даль приводит латинский термин («почесуха–*prurigo*»), открывает языковые трансформации терминов, например, замену эволюцию наименования «*rubeolae*» в просторечное «краснуха» и далее – в стилистически нейтральное «скарлатина» (производное от «*scarlet*» – бордовый, красный), при этом обе лексические единицы существуют параллельно [5, с.161].

Другой аспект, инициирующий изучение наследия В. И. Даля – отразившийся на страницах «Словаря» переходный период формирования медицинской терминологии. Именно в 60-80-х годах XIX века в литературный и разговорный язык входят понятия «доза», «агония», «акклиматизация», «бацилла», «атрофия», «организм», «эмбрион», «пароксизм», симптом» [1, с.40]. Синонимия медицинской терминологии порождает загадочный медицинский «жаргон», своего рода эзотерический язык для посвященных, где латинский фиксирует преимущественно анатомические органы и физиологические системы, а греческий – симптомы патологий («оссификация» – окостенение, «диарея» – понос, «кинкарцерация» – ущемление). Возникает трехступенчатая система профессионального языка, где сосуществуют просторечное «голодуха», образно-метафорическое «волчий голод», терминологическое *Bulimia* («булимия»).

Систематизация многолетнего труда В. И. Даля позволяет выявить основные источники медицинской лексики, базирующейся на упоминании различных частей тела («ушница», «заволосица», «глотошная»), указывающей на сходство с представителями животного и растительного мира («волчья пасть», «свиная болезнь», «ячмень»), географическими и метеорологическими явлениями («ветрянка», «французская болезнь», «веснянка»), предметами («боб», «градина»), процессами («падучая», «криксы»), физиологическими и эмоциональными состояниями («бесная», «водобоязнь», «в положении»).

Вдумчивый анализ позволяет сделать вывод об актуальности лексикологического труда более чем полуторастолетней давности. Часть интерпретированных слов успешно прошла испытание временем («заячья губа», «грудница»), составив пласт образных выражений метафорического характера, востребованных в процессе коммуникации «врач-пациент». Другие воспринимаются как архаизмы, привлекательные, прежде всего, для лингвиста-исследователя («чахотка», «почечуй»).

При этом нельзя не отметить отсутствие постоянной привязки лексической единицы к определенному заболеванию. Воспроизводя общие симптомы и признаки, медицинская лексика XIX столетия кажется слабо дифференцированной в своей профессиональной направленности. Так, недуг «костогрыз» обозначал широкий спектр болезней от ревматизма до рахита, «лихоманка» – любые соматические заболевания, сопровождающиеся повышением температуры и ознобом. В то же время избирательность «народной медицины» позволяет судить о наиболее проблемных областях медицины, современной В. И. Далю «Словаря», о самых распространенных заболеваниях, попадавших в сферу внимания диалектов, об

особенностях, концентрирующей на внешних признаках («девичья бледность», «синюха»), ощущениях («качель») физиологическом состоянии («водобоязнь»).

Словоформа может непосредственно использовать название органа в качестве производящей основы: «глазница» – глазная болезнь, «грудница» – заболевание молочных желез, «заволосица» – болезнь волос, «когда волос болеет, ломается, сечется» [3, Т. 1. с.562], «скула» – опухоль на лице или шее, «заушница», «глотошная», «шейница». В отдельных случаях образуются лексические единицы с качественными характеристиками: «пучеглазый, колченогий, косоглазый, тугоухий». В ряде случаев указывается не только локализация, но и симптомы болезни: «костоеда» – остеомиелит, разрушение костного состава, «потница» – обильное потоотделение, «слюнотеча (слюнотек)», «ноготед» – панариций, воспалительные явления в области ногтевой пластины, «мочерез (мочетека)» – народное название диабета, обильное мочеиспускание; «костолом (костогрыз)» – болезненные ощущения в результате смещения межпозвоночных суставов или острый мышечный спазм. Под «паршой» подразумевается любое кожное заболевание, этимология этого слова восходит к словам «пороша, порошок, перхоть», поскольку внешним симптомом этого рода недугов часто является шелушение кожных покровов.

В словарной статье могут содержаться рецепты народной медицины, например, при головной боли или боли в животе, сопровождающейся поносом и рвотой принято «сорвать чемер»: «Чемер – макушка головы, самое темя; <...> сорвать чемер, лечение от этой болезни: кладут голову больного на полено, обвивают несколько волос вокруг пальца и дергают сильно разом, или прикусывают их у корня, чтобы хрустнуло» [3, Т. 4. с. 589].

В основе медицинской лексики могут быть внешние проявления болезни: «девичья бледность» – chlorosis, хлороз, сопровождающийся изменением цвета лица, «рожа» – erysipelas, воспалительный процесс кожных покровов, «болезнь на ус» – проявление полового созревания у мужчин, (однако сходное по звучанию «усовье» описывает субъективные ощущения «колотья в животе», как от «проросших» коротких волос) [3, Т.4. с.513].

В ряде случаев наблюдается несоответствие номинации и симптомов заболевания, что затрудняет этимологические исследования. Под «маточницей» понимается истерика, в словарной статье «перелом» наряду со значениями «нарушение целостности костей» и «кризис в течение болезни» также фиксируется определение «глазная болезнь или прыщик над веком» [3, Т.3. с.63]; «расперстица (расперетица)» – болезнь от укула, «возможно, подагра» [3, Т.4. с.67], «волос» – нарыв на пальце. В приведенных примерах первоначальное обозначение части тела, очевидно, следует ассоциативному ряду, например, «расперстица» (от «перст» – палец), обозначая подагру, содержит намек на деформацию пальцев, характерную для данного заболевания.

В итоге анализ «Словаря» как картины переходного периода формирования медицинской лексики позволяет судить об эпохе середине XIX века как о времени активного поиска адекватной научной терминологии, в том числе в медицинской среде. Результаты этого поиска очевидны, если отследить дальнейшую судьбу медицинской лексики, запечатленной на страницах знаменитого словаря. Часть слов, будучи по происхождению диалектизмами, успешно функционирует в современной среде, составляя синонимический ряд к узкоспециализированным терминам, в частности такие конструкции как «белая горячка», «заячья губа», «волчий голод», «лихорадка», «ячмень», «рожа».

Другие лексические единицы остаются достоянием профессиональных лингвистов и литераторов, по существу являясь средством воссоздания колорита ушедшей эпохи. Таковы «воспетые» А. П. Чеховым «чахотка» – туберкулез, «почечуй» – геморрой, «грудная жаба» – воспаление гортани [4, с.109]. Многие фразеологические обороты остались в речи осколками пословиц и поговорок: «Краснуха поветрием ходит», тугоухий – «туг на ухо», «ломает лихорадка», «у него в кармане чахотка, в сундуке сухотка».

Часть слов, не преодолев границ, очерченных говором, остается объектом интереса диалектологии, например, распространенная в Пермском краю «хидка», пришедшая из новгородских диалектов «пашава» [2, с.60]. В большинстве своем эти лексемы подразумевают обобщенную характеристику инфекционного заболевания без ярко выраженных симптомов, поэтому их «ценность» для коммуникации в медицинской сфере сравнительно мала.

В целом проникновение в медицинскую лексику ярких, образных описаний, опирающихся непосредственно на симптоматику, способно обогатить речь врача, способствовать профессиональной коммуникации, трансформируя научный стиль в более простой, доступный клиенту медицинского учреждения. Помимо решения коммуникативных задач это способствует развитию культуры речи, обогащению кругозора медицинского работника. В этом плане «Словарь живого великорусского языка» является отражением эпохи активных поисков и трудов, временем формирования медицинской терминологии, вобравшей в себя как заимствования из иных языков, так и живую образную речь русского народа.

Список литературы:

1. Бабошкина Л.В. Синонимия в медицинской терминологии / Л. В. Бабошкина, Е.В. Дыкусова // Мир науки, культуры, образования. - 2019.- №1 (74) – С. 40–42.

2. Глушкова О.В. Один из способов презентации национально маркированной единицы / О. В. Глушкова, Ф.А. Тумакаева, Т.А. Струкова // Вопросы гуманитарных наук. - 2018. - № 6 (99). - С. 59–62.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В. И. Даль. М., 2002.
4. Папшева Г.О. Особенности изображения профессиональных заболеваний в русской литературе / Г. О. Папшева, Н. В. Голубцова, Ф. А. Тумакаева, О. В. Глушкова, О. Н. Матвеева // Общественные науки. - 2017. - № 3. - С. 102–110.
5. Подгорная В. В. Телесность в языке / Подгорная В.В. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - Тамбов, 2015. - № 2 (44). - Ч. I. - С. 160–162.

ЛИЧНОСТНЫЕ КАЧЕСТВА ВРАЧА С ПРИМЕРАМИ ИЗ ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ

А.С. Чумачёва, Н.С. Корчагина, В.С. Леднева, Ю.Ю. Разуваева
Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко
научный руководитель – Е.Д. Черток

С древних времен, времен Гиппократ и Галена, врачеватель, как личность, обладающая определенными качествами, окружен пристальным вниманием общества. Такой повышенный интерес обусловлен весьма осязаемым влиянием морально-этического воздействия врача на своего пациента в процессе их взаимоотношений. Философ Древней Греции, новатор в античной философии, Сократ утверждал, «нельзя лечить тело, не врачую душу». Таким образом, профессиональное становление врача невозможно без обладания или воспитания в себе определенных личностных качеств. Одним из первых можно выделить милосердие – побуждаемая состраданием помощь доктора находящимся в беде людям, зачастую требующая от него ограничений собственных прагматических интересов [1].

Беспокоясь о здоровье больного, врачеватель не должен начинать с заботы о своем гонораре (вознаграждении), так как «обращать на это внимание вредно для больного». Более того, иногда подобает лечить «даром, считая благодарную память выше минутной славы. Если же случай представится оказать помощь чужестранцу или бедняку, то таким в особенности должно ее доставить», - писал в своем Сборнике Гиппократ, древнегреческий врач, целитель и философ, вошедший в историю, как «отец медицины».

Несомненно, наряду с гуманистическим отношением к окружающим стоит отметить такое важное качество, как аккуратность доктора. Врачебная этика древней Индии категорически требовала, чтобы врачеватель, «который желает иметь успех в практике, был здоров, опрятен, скромнен, терпелив, носил коротко остриженную бороду, старательно вычищенные, обрезанные ногти, белую надушенную благовониями одежду, выходил из дома не иначе, как с палкой и зонтиком, в особенности же избегал болтовни.» [2].

В истории медицины как до нашей эры, так и в наше время служители медицины удивляли своим трудолюбием и упорством. Направляя все свои силы на добросовестное обучение и успешное врачевание, они спасли множество жизней. Ибн Сина – великий ученый-энциклопедист средневекового Востока к 16 годам стал признанным врачом. Во время болезни правителя Бухары Нух ибн Мансура, которого никто из врачей не мог вылечить, Ибн Сина был приглашен во дворец. «Поскольку мое имя, – пишет он, – было известно в их среде благодаря моей начитанности, они упомянули ему обо мне и попросили его вызвать меня. Я явился и принял с ними участие в его лечении, и отличился при этом. Однажды я спросил у Нух ибн Мансура разрешение пойти в его библиотеку, чтобы изучить имеющиеся там книги по медицине. Он разрешил мне, и я вошел в здание, где было множество комнат. В каждой комнате были сундуки с книгами, поставленные один на другой. Я увидел там книги, названия которых многие люди никогда не слышали, и сам я не видел их ни ранее, ни после того. Я прочел те книги, усвоил все полезное, что было в них. Когда я достиг восемнадцати лет, я завершил изучение всех наук» [2]. Один из ярчайших светил русской медицины, организатор здравоохранения, советский хирург и основоположник отечественной нейрохирургии, Бурденко Николай Нилович говорил: «Всегда вперед, после каждого совершенного шага готовиться к следующему, все помыслы отдавать тому, что ещё предстоит сделать. Тот, кто работает, всегда молод. Иногда мне кажется, что, может быть, труд вырабатывает какие-нибудь особые гормоны, повышающие жизненный импульс».

Честность – неспособность обманывать, манипулировать, лицемерить, воровать, добиваться личной выгоды и профессиональных продвижений ценой унижения и предательства коллег и соблюдение норм профессиональной этики в отношении людей. Это качество было одним из определяющих характеристик личности Николая Ивановича Пирогова, врача, ученого, педагога, основателя русской военно-полевой хирургии. Он, работая в больницах, вел настоящую борьбу с госпитальной администрацией.

Неравную борьбу, поскольку само здание госпиталя, инвентарь, инструменты, лекарства, дрова, свечи – все находилось во владении воров и взяточников, искавших только личную выгоду. Можно представить, кем был Пирогов для тех, кто крал хлеб и мясо из госпитальных мисок и сыпал в кружки золу больным вместо лекарства [3]. Николай Иванович всегда справедливо оценивал себя и своих педагогов, не скупясь на объективную критику. В своем отчете за год работы заведующим хирургической клиникой Дерптского университета он писал: "Я считал... своим священным долгом откровенно рассказать читателям о